

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АБАЙ

ОШ МАМЛЕКЕТТИК
УНИВЕРСИТЕТИ

**«TURKIY XALQLARNING MA'NAVIY
INTEGRATSIYASI: TILI, ADABIYOTI,
MADANIYATI»
MAVZUSIDAGI II XALQARO
ILMIY-NAZARIY KONFERENSIYA**

TOSHKENT - 2025

**O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI OLIY TA'LIM, FAN VA
INNOVATSIYALAR VAZIRLIGI**

**ALISHER NAVOIY NOMIDAGI TOSHKENT DAVLAT
O'ZBEK TILI VA ADABIYOTI UNIVERSITETI**

**«TURKIY XALQLARNING MA'NAVIY
INTEGRATSIYASI: TILI, ADABIYOTI,
MADANIYATI»**

**MAVZUSIDAGI II XALQARO ILMIY-NAZARIY
KONFERENSIYA MATERIALLARI**

TOSHKENT - 2025

Mazkur ilmiy maqolalar to'plamida «Turkiy xalqlarning ma'naviy integratsiyasi: tili, adabiyoti, madaniyati» II Xalqaro ilmiy-amaliy konferensiyasi materiallari jamlangan. Maqolalarda turkiy tillarning rivoji va o'zaro o'xshashliklarini, umumiy adabiy merosimizni ilmiy asosda chuqur o'rganish; madaniy aloqalarni zamonaviy texnologiyalar orqali kengaytirish; tarjima va adabiy almashinuv orqali xalqaro miqyosda muloqotni kuchaytirish; raqamli platformalar orqali integratsiyani amalga oshirishga oid fikrlar yoritib berilgan. To'plamdan dunyo bo'yicha taniqli turkiyshunos olimlar, metodistlar, o'qituvchilar hamda ToshDO'TAU iqtidorli talabalarining maqolalari ham o'rin olgan.

To'plam til va adabiyot ta'limi bilan shug'ullanuvchi professor-o'qituvchilar, shu sohaning tadqiqotchilari, magistrant va talabalarga mo'ljallangan.

Taqrizchilar:

G.Asilova – *pedagogika fanlari doktori (DSc), professor.*

G.Norimova – *filologiya fanlari nomzodi, dotsent.*

Tahrir hay'ati:

S.Muhamedova, S.Qambarova, O.Turaqulova,
Y.Shirinova, M.Yo'ldosheva.

Mazkur to'plam matni Alisher Navoiy nomidagi Toshkent davlat o'zbek tili va adabiyoti universiteti Kengashining 2025-yil 2-iyundagi 10-sonli majlisida muhokama qilinib, nashrga tavsiya qilingan.

Izoh: Maqolalarning ilmiy saviyasi uchun mualliflar o'zlari mas'uldirlar.

DOI: 10.52773/tsuull.conf.2025/MTOM5144

**ПРОБЛЕМА «НЕВЫРАЗИМОГО» В ДНЕВНИКАХ 50-Х ГГ.
И «ИСТОРИИ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ» Л.Н. ТОЛСТОГО**

Лиана Саттарова

*Старший преподаватель кафедры дошкольного и начального образования
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий*

l.s.sattarova@struust.ru

ORCID: 0000-0002-2213-8276

Фания Сулейманова

*Кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального
образования Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и
технологий*

f.m.suleymanova@struust.ru

ORCID: 0009-0002-6803-3320

Аннотация. В статье исследуются дневники 50-х гг. и неоконченный литературный набросок Л.Н. Толстого «История вчерашнего дня», ставшие своеобразной творческой лабораторией для будущих эпических полотен писателя. В центре внимания – проблема вербализации внутреннего мира человека. Художник уже с ранних творческих опытов стремился уловить и воплотить «текучее вещество» душевной жизни, стараясь не только угадать взгляды и невольные жесты, но и раскрыть их тайные импульсы.

Ключевые слова: *дневник, вербализация мысли, внутренний мир героев, «текучесть» душевной жизни.*

Abstract. The article investigates the diaries of 50-s and an unfinished literary sketch of Tolstoy's "The Story of Yesterday" which became a kind of creative laboratory for future epic works of the writer. The central problem is the verbalization of the inner world of a man. From the early creative experiences the writer tried to capture and embody the development of inner life, trying not only to guess the views and involuntary gestures, but also to reveal their secret impulses.

Keywords: *diary, verbalization of thought, the inner world of characters, development of inner life.*

ВВЕДЕНИЕ. Внутренний мир человека отличается разнообразием и непостоянством, поэтому всегда был и остается привлекательным материалом для исследователей разных отраслей человекознания. Одним из важных аспектов исследования «внутреннего человека» в литературоведении выступает проблема выражения «живой мысли» через слово. Рождение мысли осуществляется не в сфере готового мировоззрения и системы языка, а уходит в феноменологические глубины, где всегда ощущается недостаточность языковых средств для вербализации «внутреннего». Мысль из события внутренней жизни становится событием дискурса, каждый раз порождающим себя заново, в независимой и неповторимой единственности смысла и выражения.

Вербальность или невербальность мысли и переживания – одна из важнейших проблем в творчестве Л.Н.Толстого, которую писатель пытался решить, начиная с ранних литературных опытов. Художник еще в молодости размышляет о сложностях представления людского естества: «Мне кажется, что описать человека собственно нельзя; но можно описать, как он на меня подействовал. Говорить про человека: он человек оригинальный, добрый, умный, глупый, последовательный и т.д...слова, которые не дают никакого понятия о человеке, а имеют претензию обрисовать человека, тогда как часто только сбивают с толку» [5, с. 46]. И писатель приходит к выводу: «С какой стороны не посмотришь на душу человеческую, везде увидишь беспредельность» [4, с. 289].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ. Задуманный Л.Н.Толстым в 1851 году рассказ об одном прожитом дне – «История вчерашнего дня» – остался неоконченным, но на протяжении почти всей жизни писатель вел дневники. В толстоведении общеизвестно, что дневники писателя, составляющие десятки томов, явились своеобразной творческой лабораторией для будущих эпических полотен Толстого. Многочисленные дневниковые записи художника отражают продолжавшуюся всю его жизнь борьбу с ограничениями возможности выразить через слово душевную жизнь. «Я подумал: пойду опишу я, что вижу. Но как написать это. Надо пойти, сесть за закапанный чернилами стол, взять серую бумагу, чернила; пачкать пальцы и чертить по бумаге буквы. Буквы составят слова, слова – фразы; но разве можно передать чувство.<...> Описание недостаточно», – пишет художник в дневнике (запись от 3 июля 1851 года) [5, с. 45].

Как отмечают современные исследователи, «одна из особенностей дневникового самовыражения – предельная субъективность пишущего. С одной стороны, дневник открывает возможность беспрепятственного самоанализа, служит сохранению памяти о случившемся и пережитом. С другой стороны, автор дневника выступает единоличным судьей окружающих: каждое их слово или поступок преломляется через его восприятие и оказывается значительным лишь постольку, поскольку становится объектом авторского внимания» [3, с. 62].

Дневники Толстого, особенно в записях первых лет, отличаются совершенной погруженностью автора в самого себя, в свои мысли, чувства и ощущения, в рассмотрение, изучение, придирчивый анализ своего «я» как со стороны внешнего поведения, так и со стороны внутренней. Так, в заметке от 7 апреля 1847 г. Толстой пишет: «Я никогда не имел дневники, потому что не видел никакой пользы от него. Теперь же, когда я занимаюсь развитием своих способностей, по дневнику я буду в состоянии судить о ходе этого развития» [5, с. 12]. Подобная мысль высказана и в записи от 14 июня 1850 г.: «Мало ли бывает в голове мыслей, и которые кажутся весьма замечательными; а как рассмотришь, выйдет пустошь;

иные же точно дельные – вот для этого-то и нужен дневник. По дневнику весьма удобно судить о самом себе» [5, с. 22].

Именно через дневники Толстой чрезвычайно внимательно изучал тайны жизни человеческого духа в самом себе, что доставило ему не только возможность написать картины внутренних движений человеческой мысли, но и дало ему прочную основу для разгадывания людских характеров и изучения человеческого бытия вообще. Вот как определяет писатель возможности дневника: «Отделись человек от общества, взойди он сам в себя, и как скоро скинет с него рассудок очки, которые показывали ему все в превратном виде, и как уяснится взгляд его на вещи, так что даже непонятно будет ему, как не видал он всего того прежде» [4, с. 7].

Уже в ранних дневниковых записях Толстого поднимается проблема передачи и понимания смыслов в межличностном общении. «Есть некоторые чувства, которые поверять никому не надо, будь они прекрасные, возвышенные чувства, теряешь во мнении того человека, которому их поверяешь, или даже дашь возможность о них догадываться. Поверяя их, человек не сознает их вполне, а только выражает свои стремления» – пишет Л.Н. Толстой [4, с. 44]. Это, по сути, рассуждения художника, как вообще возможно понимание одним человеком другого, одним внутренним миром другого. Ведь смысловые структуры, определяющие содержание и динамику «внутреннего мира», являются наиболее глубинными, интимными структурами человеческого сознания. Из жизненного опыта известно, что проникнуть в смыслы другого человека с достаточной точностью до определенных пределов в принципе возможно; с другой стороны, эта задача очень сложна, решается отнюдь не всеми и не всегда, и ошибки в понимании и интерпретации смыслов другого человека даже более естественны, чем адекватное понимание. Ведь понятие смысла выражает наиболее интимные, индивидуальные, труднокоммуницируемые или вообще некоммуницируемые пласты опыта. Поэтому эстетика Толстого, как отмечает Б.И. Бурсов, «настаивает на изображении объективного, реального мира через субъективный, внутренний мир человека, а так же на том, чтобы человек изображался не в законченности и отшлифованности своих понятий, взглядов, чувств и переживаний, но в становлении их, в смене одних другими, в угадывании самого себя, в предчувствиях следующего момента своей жизни» [1, с. 66]. Иными словами, человека надо понять не таким, каким он представляется всегда, а постараться познать его в момент движения, как «текущий» живой объект.

Стремление художника уловить и воплотить «текущее вещество» душевной жизни отразилось и в «Истории вчерашнего дня»: «...давно хотелось мне рассказать задушевную сторону жизни одного дня. Бог один знает, сколько разнообразных, занимательных впечатлений и мыслей, которые возбуждают эти впечатления, хотя темных, неясных, но [не]

менее того понятных душе нашей, проходит в один день. Ежели бы можно было рассказать их так, чтобы сам бы легко читал себя и другие могли читать меня, как и я сам, вышла бы очень поучительная и занимательная книга, и такая, что недостало бы чернил на свете написать ее и типографщиков напечатать» [4, с. 289].

«Историю вчерашнего дня» (26-30 марта 1851 г.) можно назвать переходным этапом писателя от дневников к художественному творчеству. Данный неоконченный литературный труд Л.Н. Толстого еще целиком построен на биографическом материале. В ней писатель хотел описать подробно один день (25 марта 1851 года) из своей жизни, но реально лишь отразились события, связанные с вечером 24 марта, проведенного Толстым у его родственников (со стороны матери): княгини Луизы Ивановны Волконской и ее мужа [2].

В этом своеобразном литературном опыте писатель очень тонко подметил и описал внутреннее движение человеческой души. Внешнее действие оттесняется на задний план тонкими психологическими описаниями. Толстой старался запечатлеть время, пережитое в микромире индивида, детально описывая глубинные процессы, происходящие в сознании человека. По наблюдениям художника, люди часто делают не то, что думают, и думают не то, что делают. Писатель старается не только угадать взгляды и невольные жесты, но и раскрыть их тайные импульсы. Например, наблюдения художника над тем, как по-разному выражается у женщин кокетство: «есть умное и глупое кокетство: умное – такое, которое незаметно и не поймешь преступника на деле; глупое – напротив: ничего не скрыто, и вот как оно говорит: «Я собой не очень хороша, но зато какие у меня ноги! Посмотрите: видите? Что, хороши?» – «Ноги у вас, может быть, хорош, но я не заметил, потому что вы показывали». Умное говорит: «Мне совершенно все равно, смотрите ли вы или нет; мне жарко, я сняла шляпу». – «Все вижу». – «А мне что за дело». У нее и невинное, и умное» [4, с. 291].

Уже в «Истории вчерашнего дня» можно увидеть «живой» – характерный только для Толстого – портрет: «Она <...> придвинулась к самой спинке и подняла головку – головку с тонким и кругловатым и острым, острым носиком и с таким ртом, который с глазами составлял одно и всегда выражал что-нибудь новое. В эту минуту, как сказать, что он выражал? Была и задумчивость, и насмешка, и болезненность, и желание удержаться от смеха, и важность, и каприз, и ум, и глупость, и страсть, и апатия, и еще мало ли что он выражал» [4, с. 293]. Толстовский герой всегда изображается в динамике. Огромное значение здесь имеют отдельные детали. Строй, склад героев определяется в произведениях художника огромной системой перекрещивающихся сопоставлений. Именно сопоставление как форма художественного воображения необходима Толстому для построения своих героев, так как от

сопоставления конкретных деталей, а не от названия чувств и мыслей рождается истинное человеческое бытие.

Толстовский герой уже в этом неоконченном наброске изображен во всей своей противоречивой и неоднозначной натуре. Рассказчик пишет о том, что ему нравится играть в карты, так как тогда он может сидеть рядом с красивой хозяйкой и наблюдать за ее движениями, воображать себе, что он ей нравится. Но вот, когда дама предлагает сыграть еще одну игру, герой оказывается в замешательстве, так как воображение рассказчика было очень далеко и не поспело, чтобы облечь его слова в удачную форму: «<....> я просто сказал: «Нет, не могу». Не успел я сказать этого, как уже стал раскаиваться, – то есть не весь я, а одна какая-то частица меня» [4, с. 292]. Художник обратил внимание на то, что предпосылкой внутренней противоречивости человека является не просто его направленность «на себя», а его двойная направленность, то есть амбивалентность, что в конечном счете и формирует личность расщепленную, как бы «расколотую» внутри себя, у которой сознательная психическая жизнь и сфера неосознанного постоянно противоречат друг другу. Поэтому очень часто возникают ситуации, когда «одним хочешь показать, что не любишь, а другим, что любишь, а показать то, что хочешь, очень трудно» [4, с. 291].

Высшую степень человеческого взаимопонимания в произведениях Толстого можно наблюдать, когда общение между героями происходит без слов: «Я люблю эти таинственные отношения, выражающиеся незаметной улыбкой и глазами, и которых объяснить нельзя. Не то чтобы один другого понял, но каждый понимает, что другой понимает, что он его понимает, и т.д. [4, с. 292]. То, что передается в общении помимо слов, – взглядами и жестами – отражает истинную реальность человеческого характера.

ВЫВОД. «История вчерашнего дня» не была окончена. Это и логично: человеческая личность – безумно сложная загадка, которую до конца разгадать очень трудно, практически невозможно. Как пишет Б.И. Бурсов, «герой Толстого всякую минуту иной, ибо вся его жизнь есть движение к высокой цели, но вместе с тем он всегда тот же самый, ибо он стремится сохранить в себе и развить весь человеческий итог своей жизни и освободиться от всего привнесенного в нее античеловеческого груза» [1, с. 103]. Данный литературный опыт сыграл важную роль в переходе Толстого от дневникового периода к эпохе повестей и романов.

Таким образом, в дневниках молодой Толстой стремился подчинить свою жизнь определенным нравственным правилам, моральному режиму. Цель писателя – упорядочить свою рассеянную жизнь, понять свое предназначение. В «Истории вчерашнего дня» он ставит себе целью передать жизнь как таковую, преодолевая заложенные в словесной форме ограничения.

Литература

1. Бурсов Б.И. Лев Толстой. Идеиные искания и творческий метод. 1847-1862. М., 1960. – 563 с.
2. Лескис Г.А. Лев Толстой (1852-1869). Вторая книга цикла «Пушкинский путь в русской литературе». – М.: ОГИ, 2000. – 640 с.
3. Савинков С.В. Дневниковая форма / Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. научн. ред. Н.Д. Тамарченко. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 61-62.
4. Толстой Л.Н. История вчерашнего дня / Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В 22-х томах. Т.1. Детство. Отрочество. Юность. / Коммент. А.В. Чичерина. – М.: Худож. лит., 1978. – С.289-294.
5. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22-х томах. Т. 21. Дневники. 1847-1894. / Коммент. А.И. Шифмана. – М.: Худож. лит., 1985. – 575 с.

DOI: 10.52773/tsuull.conf.2025/JTRZ6472

DEGREES OF COMPARISON OF ADJECTIVES IN ENGLISH AND UZBEK

To'raqulova Nilufar Amirqulovna

1st year master's student of Karshi University of Economics and Pedagogy

Nilugul83@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7783-6418

Abstract:

This article explores the degrees of comparison of adjectives in English and Uzbek, highlighting their similarities and differences. Both languages feature three degrees: positive, comparative, and superlative. While English typically employs morphological changes and auxiliary words to express these degrees, Uzbek primarily uses suffixes to modify adjectives. Understanding these distinctions is crucial for language learners and educators, as it enhances comprehension and proficiency in both languages. The article aims to provide insights into the grammatical structures of adjectives and their comparative forms in English and Uzbek.

Keywords:

Degrees of comparison, adjectives, English language, Uzbek language, comparative degree, superlative degree, linguistic structures, language learning.

Introduction

Adjectives play a vital role in language by describing qualities and characteristics. In both English and Uzbek, adjectives can express varying degrees of comparison, allowing speakers to convey differences in quality among nouns. This article aims to analyze the degrees of comparison of adjectives in these two languages, emphasizing their grammatical structures and usage.

Degrees of Comparison in English

In English, adjectives can be categorized into three degrees:

Positive Degree: The base form of the adjective. It describes a quality without any comparison.

Example: "happy," "bright," "large."

V SHU'BA. MADANIY HAMKORLIKNING TA'LIM TIZIMIDAGI O'RNI: TIL VA ADABIYOT	
Бердин Азат Тагирович. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ГЕНЕЗИСЕ УММЫ В ТЮРКСКИХ РЕСПУБЛИКАХ РОССИИ: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ	375
Gahramanov Sabuhi Adil oglu. THE AIM OF AZERBAIJANISM AND DISSIDENTISM IN KHALIL RZA ULUTURK'S ARTISTIC CREATIVITY	388
Гайфуллина Миляуша Фаниловна, Абдуллина Лилия Бакировна. ПОЭТИКА ДОМА В РАННЕЙ ПРОЗЕ Л.Н. ТОЛСТОГО (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ «ДЕТСТВО», «ОТРОЧЕСТВО», «ЮНОСТЬ»)	396
Gözde GÜNGÖR. ABDULLA KAHNAR'IN MAHALLE ADLI HİKÂYESİNDE İDEOLOJİK ÖZNELEŞME SÜRECİ	405
Həsənova Könül Nəriman qızı. POEZIYANIN ÇOXNÖQTƏ İLƏ İŞARƏLƏN LƏKSİK VAHİDLƏRİNDƏ FORMAL QƏNAƏTİN ANLAMA MODELƏRİ	412
Ishonxanova Iroda Abduvaxitovna. ALEKSANDR BOROVKOV – ALISHER NAVOIY TADQIQOTCHISI SIFATIDA	419
Ebru KABAĞCI. TÜRKİYE'DE EĞİTİM ALANINDA YAZILAN LİSANSÜSTÜ TEZLERDE BAĞIMSIZ TÜRK CUMHURİYETLERİNE YÖNELİK İLGİNİN SEYRİ (2000–2025): AKADEMİK PERSPEKTİFTEN KÜLTÜREL BÜTÜNLEŞMEYE BİR BAKIŞ	427
Кожоева Гулжамал Жайлообаевна. ХИАЗМДУУ КАЙТАЛООЛОРДУН ӨЗГӨЧӨЛҮКТӨРҮ	439
Musayev Dəyanət Musa oğlu. BİRİNCİ TÜRKOLJİ QURULTAY VƏ TARİXİ MİSSİYASI	446
Mirzəzadə Rəqsanə. BİRİNCİ TÜRKOLJİ QURULTAYDA İŞTİRAK EDƏN ÖZBƏK NÜMAYƏNDƏLƏRİ	456
Гулноз Сатторова. МУСТАЙ КАРИМ: ШАХС ВА ИЖОД УЙҒУНЛИГИ	461
NərmİN Rəhİmova. RƏŞAD NURİ GÜNTƏKİNİN “ÇALIKUŞU” ƏSƏRİNİN TƏHLİLİ	465
Юсупов Ильшат Фаритович. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА НА МАТЕРИАЛЕ ЗАУРАЛЬСКИХ РАЙОНОВ БАШКОРТОСТАНА	471
Р.А. БАЗАРБАЕВА. КӨРКЕМ МƏТІНДІ ТАЛДАУ АРҚЫЛЫ ОҚУШЫЛАРДЫҢ КРЕАТИВТІ КОМПЕТЕНЦИЯСЫН ДАМУ	478
Inogatova Nargiza Shavkatovna. LINGVOKULTUREMALARNING TIL VA ADABIYOT TA'LIMI JARAYONIDAGI ROLI XUSUSIDA	482
Ranjıyeva Zilola. TILNING PARAMEOLOGİK FONDI	489
Musayeva Sarvinoz. YOZMA NUTQDA IMLOVIY XATOLAR: SABAB VA OQIBATLARI	490
Лиана Саттарова, Фания Сулейманова. ПРОБЛЕМА «НЕВЫРАЗИМОГО» В ДНЕВНИКАХ 50-Х ГГ.	493

